

их суммарно, без достаточно четкого хронологического расчленения, со ссылками лишь на выборочную литературу.

Характеристики памятников не всегда бесспорны. Так называемая «Записка готского толарха» безоговорочно датируется концом XI—началом XII в. (стр. 290); из двух Георгиев Торников XII в. назван один, живший при Исааке II, но ему атрибуированы издаанные Ж. Даррузесом сочинения одноименного митрополита Эфесского, другого лица (стр. 310).

Имеются пропуски и погрешности в библиографии. Так, новелла Константина IX, приписанная Иоанну Мавроподу (стр. 269) (об авторстве ее, кстати сказать, идет спор), издана А. Салачом, что не учтено Караяннопулосом. «Книга эпарха» не была издана М. Я. Сюзюмовым в Свердловске в 1949 г. (стр. 251).

При всех недочетах и спорных положениях книга Караяннопулоса не только дает обозримую сводку разнообразных источников по истории Византии — ее значение еще и в том, что она ставит задачу создания действительно полного пособия по византийскому источниковедению, которое могло бы вытеснить из употребления работу Крумбахера, сыгравшую огромную роль, но теперь уже устаревшую.

А. К.

Syméon le Nouveau Théologien. HYMNES

Introduction, texte critique et notes par J. Koder, traduction par J. Paramelle et L. Nayrand, t. I—II. Paris, 1969—1971, 301 p., 499 p.

Издательство Серф выпустило за последние годы в серии Sources chretiennes важнейшие сочинения Симеона Богослова: «Главы», «Огласительные беседы» и так называемые «Богословские и этические трактаты», к которым теперь можно присоединить и «Гимны»; греческий текст гимнов критически издан молодым австрийским ученым И. Кодером, а французский перевод подготовлен Ж. Парамелем (т. I), известным в качестве переводчика «Огласительных бесед», и Л. Нейраном (т. II). Перевод сопровождается пояснительными комментариями. В первом томе гимнам предпослано обширное введение. (Т. II вышел, когда эта аннотация была уже написана.)

Во введении Кодер прежде всего устанавливает наличие трех редакций гимнов¹. Первая представлена Patm. 427 (начало XIV в.), его копией — Vat. 1782 (а. 1584) и рядом других; вторая — Paris. Suppl. 103 (XIV в.)² и несколькими более поздними манускриптами; третья — прежде всего Marcian. 494 (XIII в.). Эта рукопись, на первый взгляд, производит хорошее впечатление, но она содержит, по мнению Кодера (стр. 44), ряд привнесенных писцом искажений и не может служить опорой для издания. Сложность, однако, состоит в том, что в ряде случаев Марциана дает метрически правильный текст там, где рукописи I и II редакций искажают стихотворную метрику. Предполагать, что автор систематически нарушал ритм и что его в дальнейшем «исправил» переписчик, означало бы, на мой взгляд, строить слишком сложную гипотезу.

Помимо метрической корректности, Марциана дает в некоторых случаях более осмысленное чтение. Так, в гимне XXV, 122 издатель принимает чтение τῶν ἡδονῶν ἐραστῆς, а не ἐργάτης, как стоит в Марциане, хотя термин ἐργάτης в аналогичном контексте характерен для Симеона: например ἐργάτης... παρανομίας (гимн I, 51; ср. XX, 112). Более сложен пассаж в гимне XXVII.96—102, где Кодер читает γεγονότες и παραψαφτες, а не -τας, как в Марциане, в результате чего получается, что заключенные, выйдя из тюрьмы (τῆς φυλακῆς ἔξωθεν γεγονότες), не могут видеть солнца; не естественнее ли принять, что они не видят тех, кто находится вне тюрьмы (τῆς φυλακῆς ἔξωθεν γεγονότας)? Далекий от того, чтобы считать Марциану лучшей рукописью, я все-таки полагаю, что Кодеру не удалось доказать превосходство первых редакций перед нею.

Особое место в рукописной традиции «Гимнов» занимает 504. Ватиканский манускрипт много старше других — он датируется 1105 г. по приписке монаха Иоанна Халда (?) (стр. 32 и сл.). Правда, он содержит только XXI гимн с серьезными разночтениями (стр. 47 и сл.). Эти разночтения служат Кодеру основанием для построения смелой гипотезы, согласно которой Ватиканский манускрипт донес до нас оригинальный текст гимна, а остальные рукописи — переработку Никиты Стифата (стр. 48 и сл.). К сожалению, подтвердить эту гипотезу невозможно. Кодер характеризует также предисловие Стифата к «Гимнам» и схолии, известные преимущественно по Марциане; что касается самих «Гимнов», то издатель останавливается главным образом на вопросах языка и метрики. В этой связи, заслуживает внимания замечание Кодера о том, что к Псевдо-Дионисию Ареопагиту был ближе Стифат, чем сам Симеон (стр. 79).

Из общего ряда гимнов выпадает XIX. Его отличают прежде всего не характерные для Симеона ссылки на отцов церкви (стк. 79—81, 108). И по существу гимн XIX

¹ См. об этом подробно: J. Koder. Die Hymnen Symeons, des Neuen Theologen. — JÖBG, 15, 1966, S.175—179.

² См. специально: A. Kambylis. Eine Handschrift des Mystikers Symeon. — «Scriptorium», 22, 1968, S. 20—34.

отходит от симоновского мировоззрения: он прославляет не мистическое слияние с богом, а священство; отход от мира отождествляется со священством, и земной рай опять-таки понимается как священство. Напрашивается вопрос об аутентичности гимна XIX, хотя рукописная традиция и не дает для этого оснований.

Тема мистического просветления — разумеется, основное содержание «Гимнов». Причем любопытно, что в эту традиционную тему вплетаются личные моменты, позволяющие иногда представить образ Симеона. В XII гимне Симеон говорит о том, что до своего просветления он считал себя выше других, святым и мудрым богословом, заслуженно почитаемым людьми; что он негодовал, если кто-нибудь не взирал на него с почтением, преследовал этого человека своей ненавистью, пока не добивался, чтобы он стал покорным (стк. 89—101). Очень выразительная самохарактеристика, подтверждающая в каком-то смысле то, что мы знаем о деятельности Симеона в роли игумена монастыря св. Маманта³. Интересные данные о молодости Симеона содержатся в гимне XX.

В образной системе «Гимнов» социальная тематика относительно редка. Излюбленные Симеоном образы из сферы царского обихода: царский венец (VII, 21), царский пурпур и десница самодержца (I, 17—18) — попадают время от времени, как и упоминание роскошных одеяний чиновных лиц (I, 154—155). Человек уподобляется рабу, слуге, работнику: мы встречаем здесь работника (ἐργάτης, ὑπουργός) беззакония (I, 51), верных рабов господя (XII, 125, 130), служащих (глаголы ἐκδουλεύσαι, θεραπεύσαι) господу (II, 73) и прислужников (δουλωθέντες) Сатаны (II, 124). Очень выразителен термин *προκολώμενοι* (II, 127), которым обозначаются в некоторых текстах византийские «вассалы» — члены этерий. Среди этих абстрактно-деконкретизированных образов и терминов выделяется «рассказ» гимна XXXII (стк. 50—60) о надменных людях, потешающихся над другими, но ничтожных в своем безумии, ибо они, если кто-нибудь бросит им орех, кинутся за ним и будут его хватать, а если у их ног щелкнут бичом, — повалятся, задрав ноги, и всех насмешат. Нет ли здесь намек на какое-то конкретное событие?

Среди образов Симеона проходят также ремесленники, ткачихи, ювелиры и медники (XXXIII, 85—86), домостроитель (XXI, 334), плотник (XXXV, 96), а также ярмарка (XXI, 188) и купец, покупающий бисер (XVII, 547—557), рыболовы, которые сами делают сети (XXIII, 205), и мистий (XVII, 721, 849—850).

В мистике Симеона много традиционных мотивов, особенно в характеристике монашеской «практики»: нестяжание, разрыв с родными, подчинение духовному отцу. Существенные некоторые лирические мотивы, свидетельствующие о «прорыве» традиционного монашеского аскетизма. Таков гимн X, провозгласивший скорбью об умершем друге. Симеон восклицает там: горе тому, кто привязывается к преходящему, словно это устойчиво, — так было и со мной, несчастным (стк. 10—12); душа тверже камня, подобная адаманту, не уступающая огню и железу, становится мягкой, как свинец и воск (стк. 2—5). Таков и гимн XV, где Симеон, между прочим, настойчиво отводит возможные обвинения в богохульстве (стк. 147), — и эти его опасения не лишены основания: он не только широко пользуется сексуально-эротической терминологией (стк. 168—171, 220—223), но и объявляет, что все наши члены — и палец, и детородный орган — несут в себе Христа и потому наделены божественной красотой и славой (стк. 150—162); следовательно, стыдиться наготы не нужно (стк. 207—209).

«Гимны» аккуратно изданы и хорошо переведены. Отмечу опечатки в нескольких стихах: XVII, 800; XVIII, 108; XXVIII, 53; XXIX, 333; XXXV, 96. Кое-где перевод не бесспорен. В переводе титула гимна XXV опущены слова: *καὶ ὅπως τὸ θεῖον φῶς οὐ καταλαμβάνεται ὑπὸ σκότους*. В гимне XVII, 140 *κατ'ἡφείας* переведено *de honte* («стыд», «позор»), хотя скорее речь идет о мрачности, унынии. *Τούτο ἀποκρυπτόμενον παιδεύει ταπεινοῦσθαι* (XVIII, 23) значит не *elle enseigne à se cacher et à s'humilier* — «[божественный свет] учит скрываться и быть смиренным», но «когда он скрывается, он учит . . .» (ср. стк. 25: *πάλιν φαίνεται* — «когда вновь появляется»).

А. К.

Ioannis Tzetzae HISTORIAE

recensuit P. A. M. Leone. Napoli, 1968, CVI+727 p.

«Истории» Иоанна Цеца, известные в литературе под условным названием «Хиляды», представляют собой стихотворный комментарий к посланиям (частично подлинным, а часто, видимо, фиктивным) самого Цеца. «Истории» были изданы впервые Н. Гербедем еще в 1546 г., а до последнего времени использовались в издании Т. Кислинга, вышедшем в свет в 1826 г. и фотомеханически воспроизведенном в 1963 г. Публикация итальянского филолога П. А. Леоне дает в руки исследователя критически выверенный текст, основанный на изучении обширной рукописной традиции и снаб-

³ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона — BS, 28, 1967, стр. 7 и сл.